

Чанъань высился посреди грозных теснин Циньчжуна — в месте, чьё природное величие и силу признавала вся Поднебесная. Почти три столетия здесь шумела столица прежней династии; в пору наивысшего расцвета её население превышало миллион душ, являя миру истинное величие: «Врата девяти небес распахнули чертоги дворцовые, и посланники тысяч стран склонились пред царским венцом».

Триста лет назад на Байхае разверзлась бездна, и мириады демонов Куньлуня хлынули в мир людей. Превжняя империя рухнула под их натиском, погребя мир под обломками затяжной, без малого вековой смуты.

Воцарившаяся династия Юн оставила Гуаньчжун, выбрав столицей Цзянье, однако древний Чанъань, помнивший величие тринадцати династий, хранил слишком глубокие корни. Пережив пепел и пламя войн, он мало-помалу возвращал былое великолепие.

Чтобы не привлекать лишнего внимания, Сунь Цинфэн и Цзинь Линьэр сторонились проезжих дорог. Весь долгий путь они пробирались дикими тропами, делили ночлег с ветром и росой, отчего оба изрядно поизносились и запылились с ног до головы.

Сами они ничуть не заботились о том, как выглядят в глазах друг друга, однако в бурлящей городской сутолоке на фоне холёных, надушенных щеголей их облик казался вопиюще нищенским.

К счастью, на улицах Чанъаня мешались в одну пёструю толпу ханьцы, кочевники-хусцы и иноземцы из Западного края с непривычным разрезом и цветом глаз, так что двое оборванцев не слишком выделялись среди этого людского водоворота.

Над улицей Вермилионовой птицы кружился редкий зимний снег.

Цзинь Линьэр лениво брёл вразвалочку, уплетая засахаренный боярышник, и весело щурился.

— Они ведь даже не догадываются, какой ты у меня сильный.

Поймав на себе брезгливые взгляды прохожих, он побоялся, что Сунь Цинфэну станет не по себе. Цзинь Линьэр легонько сжал его ладонь и лукаво прищурился:

— Только я один это знаю. Но никому не скажу, нечего им за бесценок глазеть.

Эти слова пришлись Сунь Цинфэну по душе. Он уже собрался ответить, но, повернув голову, увидел, что парень вовсю крутит головой, разинув рот на витрины. Его мысли явно витали далеко отсюда, а ласковые слова были брошены лишь ради красного словца.

Сунь Цинфэн обречённо вздохнул и негромко буркнул:

— Глупое ты создание.

— Ой, погляди, какая диковина! А там, там-то что! Брат, ты бывал прежде в Чанъане? Видел хоть раз таких красивых сахарных петушков?

Цзинь Линьэр крепко вцепился в его руку и упрямо тянул за собой, лавируя в плотной толпе. Он восторженно указывал пальцем то на одно, то на другое, громко смеялся и совершенно не заботился о приличиях, напоминая деревенского простака, который впервые очутился на ярмарке.

Маленький глава культа, номинальный хозяин несметных богатств, из-за своего проклятия всю жизнь провёл затворником в глуши. К пятнадцати годам он впервые выбрался в большой мир и теперь радовался как дитя. В этой наивной восторженности крылась щемящая грусть.

Сунь Цинфэн ни капли не стыдился ужимок мальчишки, да и до чужих взглядов ему не было дела. За его спиной покоились два завёрнутых в ткань меча; сам он, хмурый, покрытый дорожной пылью, ступал тяжело и уверенно, словно наёмный убийца, скрывающийся от погони.

В бурлящем людском океане прохожие инстинктивно уступали ему дорогу, чувствуя исходящую от него угрозу. Сунь Цинфэн, тем не менее, опекал спутника с заботливостью наседки: прикрывал его широким плечом от толчеи и без умолку ворчал:

— Под ноги гляди. И не разговаривай, когда жуёшь.

— Пойдём скорее туда, там бродячие комедианты из Западного края!

Раззадорившись, Цзинь Линьэр швырнул пустую бамбуковую палочку в снег и попытался увлечь Сунь Цинфэна в самую гущу людского водоворота.

Сунь Цинфэн, ненавидевший скопища людей, раздражённо вздохнул. Не говоря ни слова, он подхватил мальчишку под мышку и размашистым шагом унёс подальше от шумных рядов.

Цзинь Линьэр разочарованно захлопал ресницами, но противиться не посмел, лишь тоскливо оглядывался на пёструю толпу. Заметив, как сурово насутился его спутник, он мигом растерял всю весёлость и робко спросил:

— Брат, ты устал?

Шёл одиннадцатый лунный месяц. Стоило наступить весне, как Цзинь Линьэру исполнилось бы шестнадцать. Надвинутая на лоб чёрная меховая шапка и простой серый кафтан скрывали фигуру, а дорожная пыль пятнала лицо, но живые, ясные глаза блестели из-под ресниц с прежней чистотой. Когда он улыбался, обнажая ровные белые зубы, в его чертах уже

угадывался складный и на редкость миловидный юноша.

Время словно застыло для его спутника.

Сунь Цинфэн оставался всё так же статен и красив, почти не изменившись с их первой встречи. И пускай его мёртвое тело томилось жаждой из-за того, что Линьэр упорно отказывался пить человеческую кровь, прежняя мрачность бесследно исчезла из его взгляда. Черты разгладились, лицо посвежелело, сделав его на вид даже моложе прежнего.

Один взрослел, теряя детскую угловатость, к другому возвращалась былая юношеская лёгкость, и называть друг друга отцом и сыном становилось неловко. К тому же после недавней стычки в городке Облачных ив им следовало поостеречься. Чтобы замести следы, они решили впредь выдавать себя за братьев.

Сунь Цинфэн, привыкший к уважительному «старший Сунь» или ласковому «папа», от этого внезапного обращения почувствовал странное смятение. Он неловко качнул головой и строго проговорил:

— В толпе слишком много ушей, да и до беды недалеко. Впредь не суйся в гущу.

Они добрались до постоянного двора.

Сунь Цинфэн остановился перед конторкой хозяина, достал из-за пазухи связку звенящей меди и опустил её на дерево:

— Дай нам комнату получше.

Трактирный слуга брезгливо оглядел их запylённое платье и процедил сквозь зубы:

— Свободных покоев нет. Всё занято.

В этот самый момент у входа зацокали копыта, и в зал шумно ввалились новые постояльцы. Молодые люди, нарядные и ухоженные, несли за плечами длинные мечи; в каждом их движении угадывалась выучка приличной школы боевых искусств.

Служка мигом перекинул полотенце через плечо и расплылся в подобострастной улыбке, спеша к гостям:

— Милости просим, благородные господа! Желаете отобедать или устроиться на ночлег?

Круглолицый парень, шедший первым, небрежно вынул из кошелька слиток серебра и звонко

скомандовал:

— Нам пять лучших комнат и два стола ваших лучших блюд. Да поживее поворачивайся. И вели задать лошадям отборного сена.

— Будет исполнено в лучшем виде! Пожалуйте наверх, господа! — Служка торопливо сгрёб серебро и, согнувшись в три погибели, указал рукой на лестницу.

Цзинь Линьэр, искренне недоумевая, преградил слуге дорогу:

— Послушай, почтенный. Тот, кто держит лавку, должен помнить о чести. У вас ведь полно свободных комнат, почему же ты сказал нам, что всё занято?

Тот пренебрежительно отмахнулся:

— Только что были, а теперь вышли. Проваливайте подобру-поздорову, нищие, не портите воздух благородным людям.

— Я не бранюсь с тобой, а лишь хочу понять, — кротко ответил Цзинь Линьэр. — Ты обманул нас. Разве мы заслужили это неуважением?

Пойманный на лжи засуетился, разозлился и прикрикнул:

— Да хоть бы и были, не про вашу честь! Сперва на себя поглядите! Собрались в лучшие покои... У вас хоть грош-то в кармане найдётся?

Цзинь Линьэр опустил взгляд на свои пыльные сапоги, затем покосился на нарядных сверстников. Спорить с лавочником из-за глупых предрассудков ему не хотелось.

— Забудь, брат. Пойдём отсюда, — тихо вздохнул он.

Сунь Цинфэн уже тяжело положил руку на рукоять меча, но после слов мальчишки медленно разжал пальцы. Он молча увлёк его за собой к выходу.

— Пойдите, прошу вас.

Едва они перешагнули порог, как за спиной раздался на редкость приятный голос — чистый и глубокий, точно тепло от углей в дорожной жаровне ненастной зимней ночью.

Обернувшись, Цзинь Линьэр сперва почувствовал тонкий, едва уловимый аромат морозной хвои, а затем увидел неторопливо идущего к ним юношу в строгом тёмном платье.

Сунь Цинфэн мгновенно заслонил собой мальчишку и сухо бросил:

— Что вам угодно?

Незнакомец держался с благородной сдержанностью. Заметив чужую настороженность, он предупредительно остановился и сложил руки в приветственном жесте:

— Прошу простить мою навязчивость, благородные господа. Моё имя — Чжоу Синъюнь, я ученик школы Хуашань. Всякое дело требует справедливости. Вы пришли первыми, и негоже нам лишать вас крова. Мои соученики согласились потесниться и уступить одну из комнат вам.

С этими словами Чжоу Синъюнь вежливо протянул деревянную дощечку с номером.

— Вот спасибо! Вы очень добры, — Цзинь Линьэр так и высунулся из-за широкой спины Сунь Цинфэна, протягивая руку.

— Не своевольничай, — Сунь Цинфэн насупился, услышав это фамильярное обращение. Он недовольно убрал руку мальчишки и заставил его спрятаться обратно.

Однако следом пришла трезвая мысль: этот Чжоу Синъюнь держится с достоинством и явно не из последних учеников. Если Линьэр собирается поступать в школу Хуашань, им обоим не помешает добрый знакомый. Смягчив тон, он ответил сдержанно, но вежливо:

— Благодарим за щедрость, господин Чжоу, но не стоит беспокоиться. Устраивайтесь сами.

Цзинь Линьэр привык во всём доверяться спутнику. Хоть он и не до конца понимал причины такой суровости, спорить не стал:

— Да, простите мне мою поспешность. Забирайте ключ, а мы с братом легко найдём приют в соседней таверне.

Чжоу Синъюнь медленно опустил руку и искренне произнёс:

— Я вижу, что вы оба — люди незаурядные. Всякому мастеру случается переносить тяготы пути, так что не принимайте близко к сердцу спесь неразумного слуги.

Сунь Цинфэн ожёг его острым, пронизательным взглядом.

Чжоу Синъюнь ничуть не смутился и пояснил с улыбкой:

— За плечами у вашего почтенного брата покоятся два меча. Хоть они и скрыты плотной

тканью, искусная резьба на гарде выдаёт благородное происхождение стали. Я сам равнодушен к оружию, а потому сразу заметил их. Раз уж я отдал комнату, забирать её обратно мне не велит долг чести. Даже если вы уйдёте, она останется пустовать. Я оставлю табличку на конторке, решайте сами.

С этими словами он вежливо поклонился и удалился.

— Брат, ну так что, останемся? — спросил Цзинь Линьэр.

— И почему ты каждого встречного кличешь братом? — недовольно проворчал Сунь Цинфэн.

— Что? — растерялся парень.

Сунь Цинфэн, чьё раздражение ещё не улеглось, передразнил:

— Что «что»?

Цзинь Линьэр окончательно растерялся:

— Но... не называть же мне его младшим братом? Мы ведь держим путь на Хуашань, глупо с ходу наживать врагов.

— Надо же, о манерах вспомнил! — буркнул Сунь Цинфэн. — Раз уж он проявил такое упорство, наш отказ покажется ему высокомерием. Иди забирай дощечку и не стой столбом.

Юноша мигом повеселел. Он потянул Сунь Цинфэна обратно к прилавку, на ходу восторженно щебеча:

— Брат, а ведь мы не ошиблись с выбором! На Хуашане воспитывают достойных людей. Этот Чжоу Синъюнь... он ведь по-настоящему благороден!

Сунь Цинфэн бывал суров, но в благородстве толк знал. Чжоу Синъюнь пришёлся ему по сердцу, и он согласно кивнул:

— Мастерство его пока скромно, но помыслы чисты. Истинный благородный муж. С таким тебе не грех и сойтись поближе.

С приближением праздников древний Чанъань наполнялся предновогодним гулом.

Видя непритворную радость мальчишки и зная, что до набора учеников в школу Хуашань остаётся уйма времени, Сунь Цинфэн позволил ему задержаться в городе на десять дней.

Все эти дни Цзинь Линьэр каждое утро упрямо тащил его за собой на поиски приключений, готовый истоптать вдоль и поперёк все двенадцать великих проспектов столицы.

Сунь Цинфэн больше не сажал его к себе на плечи, однако упрямо держал перед собой, бережно укрывая лапами тяжёлого дорожного плаща. Он уверял, что спасает негодника от лютой стужи, хотя на самом деле просто сдерживал его порывы, дабы тот снова не впутался в неприятности.

Лишённый возможности глазеть по сторонам, Цзинь Линьэр переключил всё внимание на придорожные лотки. Очень скоро он приноровился тащить в рот всё съестное, сгребать руками пёстрые безделушки и провожать восторженным взглядом каждого прохожего.

Чанъань бурлил и сверкал богатством, но Сунь Цинфэн оставался глух к его соблазнам.

Шумные толпы, оглушительный грохот медных гонгов, осыпающийся с ветвей пушистый снег, пламя, вырывающееся из пастей бродячих акробатов, дрожащие на морозе цирковые мартышки и клубы белого пара над чашами с лапшой — всё это проносилось мимо него, точно смутные дорожные сны.

Единственным, к чему действительно приковывался его взгляд, была забавная макушка Цзинь Линьэра.

Порой в нём просыпалось почти забытое озорство: он осторожно протягивал руку и давал мальчишке лёгкий щелчок по затылку. Когда Цзинь Линьэр в недоумении оборачивался, Сунь Цинфэн тут же принимал самый невозмутимый вид, устремив взор куда-то вдаль.

Поначалу Линьэр пугался, решив, что его преследует невидимый дух. Но разгадав нехитрую забаву своего защитника, он лишь со вздохом подумал:

«Я ведь вырасту, а брат ничуть не меняется. Выходит, рядом со мной он словно молодеет год от года. Не стану его выдавать, пускай тешится. Буду к нему снисходительнее».

Сунь Цинфэн и не догадывался, что в глазах этого «глупого создания» он сам превратился в сущую помеху.

Снова занялось туманное зимнее утро.

На улице падал пушистый снег, и соседские ребяташки вовсю взрывали весёлые хлопушки.

Цзинь Линьэр рывком соскочил с постели и вихрем вылетел в коридор.

— Брат, просыпайся! Пора идти! — крикнул он на ходу, отправляясь за горячей водой.

У Сунь Цинфэна не водилось мелкой монеты — за пазухой он хранил лишь тяжёлые золотые бруски. В первые дни, пока постоянный двор делили с ними ученики Хуашани, он не решался выставлять напоказ богатство, отчего им обоим пришлось пожить впроголодь.

Зато едва хуашаньцы покинули постоянный двор, двое «нищих» путников мигом превратились в самых желанных гостей.

Трактирный слуга со всех ног бросился выполнять поручение и приволок дымящийся ушат воды. Цзинь Линьэр вежливо поблагодарил его и щедро одарил серебром, отчего служка окончательно залился краской стыда и принялся без умолку извиняться за былую грубость.

Сунь Цинфэну каждую полночь приходилось бодрствовать: он резал кур, дабы утолить голод свежей кровью, отчего днём на него наваливалась глухая усталость. Сейчас он спал без задних ног, натянув одеяло до самого подбородка; его красивое лицо казалось неестественно бледным и осунувшимся.

Линьэр застыл у дверей, с щемящей грустью глядя на него. Ему невыносимо было видеть защитника таким изнурённым, и он принялся нарочно шуметь — громко топать по скрипучим половицам в надежде поскорее вернуть его к жизни.

Однако даже когда Линьэр умылся и причесался, Сунь Цинфэн не шелохнулся.

Тогда Цзинь Линьэр лукаво прищурился. Он намочил полотенце в тёплой воде, бесшумно подкрался к кровати и набросил мокрую ткань прямо на лицо спящего:

— Вставай, лежебока! Солнце уже высоко!

Сунь Цинфэн взлетел с постели точно пружина. Одним движением он перехватил парня за пояс, а другой рукой сорвал полотенце и прижал его обратно к лицу озорника:

— Много на себя берёшь, малец! Решил со мной силами помериться?

— Пощади! Я просто хотел помочь умыться! Ха-ха-ха!

Сунь Цинфэн увлёк его за собой в ворох одеял и принялся безжалостно щекотать за бока. Зажатый в тиски, Цзинь Линьэр покатылся со смеху, задыхаясь и извиваясь всем телом.

— Ну что, будешь ещё пакостить? — Сунь Цинфэн не выпускал его, продолжая легонько сжимать пальцами его бока.

— Брат,пусти... Я же сейчас умру со смеху! — взмолился Линьэр, утирая выступившие слёзы.

— Кабы люди умирали от смеха, тебя бы уже раз сто похоронили, — Сунь Цинфэн наконец разжал пальцы и устало откинулся на подушки. — Дай мне ещё немного полежать.

Цзинь Линьэр притих и робко коснулся его плеча:

— Тебе нездоровится?

— Мне перевалило за двести лет, малец. Где мне тягаться с твоей молодой удалью? — не открывая глаз, отозвался Сунь Цинфэн. — В детстве я мечтал лишь об одном: чтобы война на Байхае наконец кончилась и я мог выспаться без страха.

— А моя матушка говаривала, что сон не исчерпать до конца, — возразил Линьэр. — Человеку отпущено слишком мало времени бодрствовать, так что глупо тратить его на постель, когда вокруг столько интересного.

— Да сколько же... сколько же всего твоя матушка успела тебе наболтать? Вечно ты прикрываешься её наставлениями, чтобы помыкать мной.

Цзинь Линьэр притих. Он послушно приник к его широкой груди и тихо проговорил:

— Да я и сам не хочу никуда бежать. Мне просто хочется подольше побыть с тобой. Если нам и впрямь отпущено всего десять лет жизни, я хочу, чтобы каждый её день, каждый час и каждое мимолётное мгновение мы разделили на двоих.

<http://bllate.org/book/18425/1815816>